

18+
МИХИНА Л. И.



Экскурсия в шестидесятые...



Лидия Михина

Экскурсия в шестидесятые...

«Издательские решения»

Михина Л. И.

Экскурсия в шестидесятые... / Л. И. Михина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930280-9

Многие знают, что пятая симфония П. И. Чайковского о жизни, со всеми её нюансами. Кроме светлой мелодии радости, слышатся строгие ритмы жизненных препятствий, переживаний. Музыка созвучна истории жизни героев этих повестей. Сегодня они дедушки и бабушки, но это не подведение итогов. Ещё не все дороги пройдены. Как выросла юность шестидесятых годов, в каких условиях жила, училась; как общались люди разных национальностей и какие нравственные ценности уважали, расскажет эта книга.

ISBN 978-5-44-930280-9

© Михина Л. И.
© Издательские решения

Содержание

Беды и победы	6
Ахи и взмахи	6
Поступил – отработай	7
Все хорошо в меру	8
Шумим и радуемся	9
Падаем, но встаем	11
Среднее хорошо, а высшее лучше	12
Трое смелых, не считая их родителей	15
Познания и признания	17
Ткачество и чудачество	19
Дороги и пороги	21
Студенты и поклонники	24
Скромники и поборники	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Экскурсия в шестидесятые...

Лидия Ивановна Михина

© Лидия Ивановна Михина, 2019

ISBN 978-5-4493-0280-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беды и победы

«Когда судьба вручает вам лимон, постарайтесь сделать из него лимонад!»
Д. Карнеги.

Выпускникам школ 1966 года посвящается...

Ахи и взмахи

Площадка двора перед основным корпусом Ташкентского текстильного института была заполнена поступающими абитуриентами, их родителями, студентами различных курсов, переживающих за своих младших друзей и родственников. Шел 1968 год. В то время никто не придавал значения и не пытался рассматривать национальный состав присутствовавших. А было большое разнообразие: узбеки, таджики, казахи, туркмены, русские, корейцы, греки, евреи, украинцы и, если вдаваться в подробности, еще не мало людей различных этнических групп. Все говорили по русски, экзамены сдавались на русском языке, основной состав преподавателей – русские и евреи. Состав этот, можно сказать, исторически, со времен 30-х годов и эвакуации московского института в военные годы, поддерживался профессорами и доцентами тех лет и вновь подготовленными специалистами 50-х годов, а так же небольшими свежими силами подрастающей интеллигенции национальной республики.

Была уже вторая половина дня июля месяца, ташкентская жара, утомление от переживаний и все ждали решение приемной комиссии по последнему списку поступивших на инженерный механико-технологический факультет для получения квалификации инженер-технолог.

Наконец вышел член комиссии и с заметным акцентом начал с просьбы к людям – отойти подальше в стороны. Он машинально махнул листком бумаги со списком поступивших, который на мгновение, от взмаха, развернулся содержанием к ожидающим. Этого случайного движения было достаточно, чтобы Лиля Клавдина не то зрительно, не то интуитивно поняла, что ее фамилия там, в этом списке, и что ее судьба решена. Фамилия действительно прозвучала, но удивляться предчувствию уже не было времени, так как в душе зрела радость и естественное удовлетворение достигнутым, как бывает в случае длительных и настойчивых усилий, а в голове замелькали соображения по ближайшим срочным делам, которые появились от перспективы вступления в новую социальную среду.

Усилия были и правда длительные, а среда предстояла в самом деле новая.

Вокруг расходились люди, кто радостный, кто расстроенный. Стояли молодые ребята с группами своей поддержки, заново прикидывали сумму баллов, набранных на экзаменах, и не все казалось понятным: были принятые с меньшим числом баллов.

А секрет прост. В то время, имеющие производственный стаж по выбранной профессии, имели преимущество перед остальными, как и медалисты, если сдали первый экзамен на пятерку.

Вполне рациональные решения, которые долгие годы имели место в данных судьбоносных моментах.

Поступил – отработай

Вечером, в рабочем общежитии, которое было расположено на улице им. Мукими (по дороге в направлении строящегося нового района Чиланзар) и, которое конечно же являлось социальным объектом большого хлопчатобумажного текстилькомбината, Лиля поняла, что дни предстоят не легкие. Еще во дворе института всем поступившим было предложено прочитать объявление, из которого следовало, что буквально завтра нужно явиться на площадку перед учебным корпусом с запасом еды, теплыми вещами и даже постельными принадлежностями. Ну и прочими мелочами. Предстояло где-то отрабатывать с неделю или больше.

Все бы ладно, но постель в рабочем общежитии выносить запрещалось, теплых вещей минимум, да и не для сельхозработ. В этих размышлениях даже забылось, что с работы было освобождение только на сдачу экзаменов.

Утром, к назначенному времени, во дворе ВУЗа Лиля рассматривала своих, теперь уже, однокурсников. Было на что смотреть: масса рулонов полосатых матрасов, много раскладушек, сумки с вещами, сумки с продуктами и термосами.

На фоне всего этого она выглядела контрастно: без провожатых, со своей просто сумкой и не особо большой, так как возможности тратиться на продукты тоже не было. Материальной конечно.

Одна, в чужом городе, где Лиля осталась работать с прошлого года, во второй раз не поступив в этот же самый институт. Заработок простой зарядальщицы шпулями барабанов автоматических ткацких станков позволял просто скромно жить, хотя она изредка делала родителям посылки азиатских фруктов и овощей, что вполне доставлялось по адресу авиапочтой.

И этот контраст был замечен одним из сердобольных родителей тоже поступившей девушки. В самом деле – мир не без добрых людей, жаль только, что оценка таких людей обычно запаздывает. В общем все было сделано, чтобы обратить внимание местной институтской администрации на скромную девушку, очень слабо экипированную. Последовали удивленные вопросы, были даны откровенные ответы и погрузка в подошедшие автобусы Лиле Клавдиной была отменена, но ей следовало все эти дни отрабатывать на канцелярской (самой простой) работе при оформлении документов на поступивших: что-то заполнять в бланках, что-то складывать в папки и т. д.

Все хорошо в меру

Но и этого делать не довелось. Вот уж правда, что хорошего бывает понемножку.

Стояла летняя жара, холодильников, как кстати и телевизоров, ни у кого в комнатах рабочего общежития не было. Конечно, сейчас такое странно прочитать. В рабочие дни обедать, как правило, все ходили в столовую, вход в которую был прямо из цеха. После работы или перед сменой удобно было закусить в летнем павильоне на территории фабрики. Но Лиля оказалась в ситуации особого положения, когда от одного коллектива уже оторвался, а к другому еще не пристал. Короче говоря организовывайся как хочешь.

Конечно, дело случая, но что-то в продуктах, купленных в магазине, именно в эти дни оказалось не свежим, а Лиля Клавдина, чье имя совсем недавно победно прозвучало в списке зачисленных на учебу, попала в больницу. От такой неожиданности сегодня ее моральное и физическое состояние назвали бы шоком, стрессом, а тогда таких слов не употребляли. Это воспринялось большим испугом. После обязательной кошмарной процедуры промывания желудка (это было первый раз в жизни) в голове стучала одна паническая мысль: «отчислят, отчислят...» Возможности позвонить или с кем-то сообщить свое положение не было ни какой. Такое сейчас тоже странно прочитать, хотя более зрелый человек пожалуй нашел бы выход, но Лиля нашла утешение лишь в слезах.

Трудно сказать, высчитывались ли койко-места в больницах того времени, но просто так оттуда было не уйти. Началось все по полной программе: анализы, уколы, лекарства. Несколько дней так и прошло. Попытка объяснить все врачу не удалась, но разговор услышала соседка по палате.

Это была солидная дама лет сорока, очень уверенно себя держащая с персоналом больницы. Чем это объяснялось и какой недуг ее сюда привел Лиля не уточняла, да и общаться не было настроения. А зря.

Оказалось, что мир добрых людей предоставил Лиле еще одного спасителя – Паню Михайловну Генералову. Фамилия эффектная, как и сама женщина. Она работала в кассах аэрофлота, а муж – администратором местной киностудии.

Впоследствии Лиля поддерживала с ними отношения. Иногда, по приглашению, посещала их квартиру в новом районе города, где был полный достаток по тому времени. В разговорах Лиля узнала, что несколько лет назад случилась трагедия: они потеряли сына в подростковом возрасте.

Чудкая Пана Михайловна смогла пережить это горе, но в каждом молодом лице искала черты родного ребенка. Этим она впоследствии объяснила свое активное участие в судьбе Лили. Форма, цвет глаз и выражение взгляда очень напоминали женщине сына. Оно, участие, началось с ходатайства перед врачами, хотя они тоже Лилю спасали. Их меры хороши, но все же достаточны. Переживания девушки стали восприниматься всерьез, срок пребывания сократили. Эта короткая болезненная история утряслась. Отсутствие на канцелярской работе в приемной комиссии было оправдано документом из больницы.

Шумим и радуемся

Настало время оформлять свой переход на учебу и переезд в другое студенческое общежитие на прекрасный проспект им Ш.Руставели, наверное уже сменивший название, где два года жила Лилина одноклассница, более удачливая на экзаменах в 1966 году.

Но для этого надо было появиться на работе. Произошло бурное объяснение со сменным мастером и начальником ткацкого цеха, но накануне оформленная справка со ссылкой на номер приказа о зачислении, спасла Лилию от звания прогульщицы. По своей неопытности она не догадалась, и никто не подсказал, как-то известить руководителей раньше. А сейчас она стояла в кабинете начальника, в который врвался тяжелый гул станков при каждом открытии двери, и видела, как гнев сменился на удивление.

Только позже Лиля поняла, что она представляла собой редкий экземпляр молодой работницы, которая смогла вырваться из общей массы простых молодых трудяг, работающих кто хуже, кто лучше, из смены в смену, изо дня в день без особых перспектив, в периоды отдыха забавляя себя порой примитивными развлечениями и даже вульгарными поступками, не трудясь ставить перед собой какие-то цели. Лучшее культурное мероприятие – это поход в ближайший кинотеатр «Четвертак», то есть «им 25-летия революции». Высший «пилотаж» – пройти туда без билета.

А сейчас Лиля стояла и понимала, что все хорошо, что заявление на увольнение будет подписано нужным числом, будет выдана трудовая книжка и остаток заработной платы. Не хватало одного: ее никто (наверное от растерянности) не поздравил с поступлением, а хотелось это услышать и Лиля дерзко решила напомнить. Поздравление конечно прозвучало, было много улыбок и пожеланий, тем более что и мастер и начальник цеха, и даже далекая и строгая заведующая этой фабрикой по фамилии Мымрина – были выпускниками того же ВУЗа. Да наверное, весь – то руководящий состав большого комбината (несколько отдельных фабрик) учился там же на различных факультетах (технологи, химики, механики и др.).

Интересной оказалась судьба сменного мастера, под руководством которого Лиля работала целый год. Текстильщик по образованию, еще совсем молодой, но уже женатый – то был добрейший человек и, как оказалось достаточно одаренный. Звали его Мирвали. Уже учась на втором курсе, Лиля случайно встретила его в коридоре учебного корпуса. Оказалось, что он уже работал в книжном издательстве и писал для детей на узбекском языке, что по случаю и показал, гордо достав из портфеля несколько тонких ярких книжек под своим именем. В институт забежал по каким-то делам.

Но в настоящее время Лиля вышла в цех, где грохотало немыслимое количество децибелл, мелькали ткачихи, помощники мастеров и ее бывшие коллеги – заряжальщицы с горками шпуль в левой руке. Помощниками мастеров работало много крымских татар. На счет них Лилию предупреждали, что эти мужчины – суровые, вспыльчивые люди, особенно, если речь заходила об их Родине. Лиля иногда замечала на себе их озорные, горящие взгляды, но значения не придавала.

А в цехе процесс продолжался: рулоны хлопковой ткани поочередно снимались со станков, складировались в накопители, которые цепляли к электрокарам и увозили на разборку, а далее на отделочную фабрику. В цехе стоял туман от водяных форсунок и хлопковой пыли. Величина шума конечно была подавляющей. С учетом в дальнейшем полученных знаний и с учетом типа станков того времени – это было не ниже девяносто децибелл. Несколько ткацких цехов фабрики располагались в одном огромном зале. Люди, работающие здесь, конечно имели элементарные средства защиты для ушей, но мало кто ими пользовался, хотя с годами последствия у кого-то сказывались. Вообще, как потом оказалось, шум станков – это желанный и приятный фактор для текстильщика, особенно руководителя. Если в цехе ровный сплошной

шум, значит одновременность работы станков высокая, то есть низкая обрывность нитей. А это значит высокая производительность станков, показатель хорошего качества работы предыдущих основных и подготовительных цехов, а так же правильный климат от паросилового хозяйства. Это интересное восприятие звука Лиля анализировала. Она не раз по дальнейшей работе сталкивалась с людьми, которые рассказывали, что у них шум во время рабочей смены уходит на второй план, как бы выпадает из ощущения, а в голове – свои мысли о текущих делах и даже звучит ранее услышанная музыка или песня, – именно в оркестровом исполнении. Удивительно, но это было подтверждением ее, Лилиных, ощущений и реакции на шум.

Кстати, чтобы разговаривать в шумном цехе – не надо кричать. Достаточно наклониться к уху собеседника и нормальным голосом говорить.

Падаем, но встаем

Готовить свой переезд в студенческое общежитие долго не пришлось. Лиля сложила небольшое количество вещей и обуви в единственный чемодан и взялась за книги и учебные тетради, которые были исписаны на подготовительных занятиях. Их в то время организовывали на предприятиях за небольшую плату для поступающих в профильные институты. Преподаватели приходили оттуда же. В основном это были занятия по математике, и надо сказать, не особо качественные в этом конкретном случае.

Весь груз знаний по математике, физике, химии, литературе и русскому языку был получен Лилей в родном городе, в школе – десятилетке с политехническим образованием. Так это называлось потому, что в старших классах несколько отдельных дней в месяце школьники ходили обучаться рабочим профессиям: мальчики на завод, девочки на текстильную фабрику, что и зародило упорный интерес у Лили к этому делу, хотя для семьи это было необычным решением.

Таких бескорыстных и преданных своему делу учителей, как в своей школе, Лиля больше не встречала нигде. С годами пришло понимание того, как люди могут любить свою профессию, знать ее и уметь донести все знания до других. Причем учителя тех лет были образцом поведения, вкуса и умеренности в одежде. Преподнести классному руководителю скромный подарок от всего класса, например, на праздник восьмого марта, – было проблемой: очень стеснялись или чего-то боялись, но званием учителя вполне гордились. Бескорыстие, честь и достоинство считалось превыше всего, а если и были исключения, то ничтожно малые. С точки зрения сегодняшнего дня – это были святые люди, которые дополнительные занятия с учеником считали нормой. Слово «репетитор» – не существовало в общеобразовательной школе.

Тетради сложены и перевязаны вместе с книгами. Все было упаковано, но воспоминания натолкнули Лилю на мысль, что ведь хваля своих учителей она подвела их. Она как бы упала в их глазах, сразу не пройдя экзамены по математике, хотя любила этот предмет и понимала, но память подводила и порой уже выученное в нужный момент рассеивалось, теряло четкость.

Возможно, это были далекие последствия чьих-то детских шалостей в шестом классе, когда в школе на лестнице ее случайно толкнули. Это был какой-то бегущий мальчишка, но установить его никто не постарался. Сотрясение мозга было средней тяжести, с периодом бессознательного состояния. Этим занимались врачи. Степень же нервного потрясения родителей никто не заметил: несчастный случай и все. По меркам сегодняшнего времени такое событие наверняка стало очередным сюжетом в областных теленовостях и без полиции бы не обошлось со всеми последствиями для директора школы. Времена меняются

А возможно на экзаменах сказывалось волнение, появлялась нервозность и исполнение экзаменационных заданий получалось не точным, а письменные работы не возвращались, не поспоришь. Тем более – после двойного выпуска школ конкурс во все ВУЗы, техникумы и средне-профессиональные училища был высоким не только в 1966 году, а и позже.

Но не малую роль играла так называемая разнарядка по областям Узбекистана. То есть норматив приема студентов из мелких городов и кишлаков, что было пожалуй и правда необходимо и о чем в дальнейшем в студенческой среде свободно говорили. Да и стало очевидно на занятиях, где удивительно слабые знания не малого числа студентов были заметны. Такие могли поступить только по особым распоряжениям внутри Республики.

Эти и другие подробности событий предыдущих двух лет стали в голове Лили выглядеть не случайными. Даже не особо приятные воспоминания приобрели образ необходимых ступеней, хотя не всегда последовательных, но нужных, чтобы подняться на уровень ее маленькой сегодняшней победы среди миллионов других судеб.

Среднее хорошо, а высшее лучше

Анализируя события первой ступени своей самостоятельной жизни Лиля увидела недавнее прошлое сравнительно беззаботным, душевно легким. Романтичным казалось будущее пока была школа, родной город, семья. Трудности возникали, но они еще не угнетали молодую голову.

Начало двухгодичного пути от школьницы до студентки был таким...

Уже упомянутый год выпуска юного поколения, рожденного в 1949 году – был 1966 год, но в этот же год заканчивали школу и дети с 1948 года рождения, после одиннадцати лет учения. Такую продолжительность учебы в тот год нашли излишней, хотя почти через сорок лет к тому же и вернулись.

По стране прошел двойной выпуск потенциальных абитуриентов, а количество учебных заведений, тем более ВУЗов было заметно меньше, да и разнообразие профессий не в пример сегодняшнему дню.

Надо сказать, что основным ориентиром, на который настраивали школьников, начиная с девятого класса, было высшее учебное заведение.

Главной страшилкой для учеников этого возраста за любое отклонение учебы от хороших оценок было: «Так ты в институт не поступишь и пойдешь в ПТУ».

Всякая уважающая себя классная руководительница произносила эту фразу и наверняка в каждой школе того времени. Инженерные профессии были на взлете. Поступившие в Бауманку, от предыдущих выпусков, были небожителями, не менее.

Осталось впечатление, что медицинский ВУЗ все же был ниже по популярности, но тоже на высоком уровне. К сожалению вспоминаются эпизоды и рассказы пытающихся туда поступить, в которых телефонное право, родственные связи и прочие «рычаги», сегодня открыто используемые, уже тогда, особенно в этом учебном заведении родного города Лили, решали многое. Но соблюдалась скрытность.

В те годы девушки, в основном они, с охотой шли учиться в педагогический институт. Профессия учителя считалась авторитетной, уважаемой.

Строгий голос учителя слышали.

В школе были свои хулиганы, по понятиям тех лет. То есть бегали на переменах до пота лица, порой по школьным партам пробегались. Это уже было совсем безобразие. А некоторые мальчики повзрослее, о ужас!, курили в туалете. Случались вопиющие поступки: временами появлялись пареньки, которые отнимали денежную мелочь у наиболее робких, но их быстро выявляли.

Девочки «от мала до велика» не могли себе позволить даже замечания от учителя. Это было стыдно. Они спокойно гуляли по корридорам, стояли у окон и тихо разговаривали. Оценка «четыре» по поведению за четверть у кого-либо, а это были единицы, считалось ужасным событием на всю школу.

Зайти в класс после звонка за учителем – было нарушением. Да и учителя имели часики на руках и, с приближением времени звонка на урок, уже шли в направлении своего класса. Использовалась каждая минута урока. Попросить выйти из класса во время урока считалось неприличным.

Все эти подробности поневоле всплывают, если понаблюдать за сегодняшними школьниками, особенно девочками. Кажется, что курят массово, трудно определить с какого класса начиная. Неприлично орущий смех, вульгарные выкрики, непристойные шутки и как можно громче. А что они друг другу рассказывают по собственному сотовому телефону! Причем тоже во весь голос и не важно где они: на улице, в общественном транспорте, наверное и в классе

могут. Оценки по поведению выставляются еженедельно. Это может быть любая цифра от единицы по пятерку.

В общем, сегодняшние учителя – страдальцы и учиться в педагогический уже идут порой не самые лучшие и нравственные молодые люди.

Были еще на слуху у выпускников в шестидесятые годы профессии бухгалтеров, юристов. Но в круг больших интересов они не входили. Это были не популярные, какие-то задвинутые профессии. Во всяком случае из класса Лили Клавдиной и из параллельных классов выпуска – этими специальностями никто не заинтересовался. Был интерес к пищевому образованию и только появившемуся нефтяному делу и конечно к медицине. Устойчиво держалось мнение, что если уже совсем ученик слабенький, то может юридический осилит.

Это тоже сейчас странно прочитать

Но пока что предстоял выпускной вечер!

В течение прошедших мучительных экзаменов, которые проходили через каждые два-три дня, приятная мысль о новом платье и новых туфлях как-то вдохновляла.

Особенно стало легче после непрерывной четырехчасовой работы над сочинением и оценки «четыре» по этому экзамену.

В то время почему—то считалось, что на выпускной вечер нужно непременно белое платье и белые туфли, а в магазинах такие вещи почти не водились.

То есть, начались поиски подходящего материала и умелой портнихи. Туфли выискивали на вещевом рынке (толчке) вместе с мамой. Еле подобрали по цене и размеру. Попались почему-то из свиной кожи, но как надо – белые.

Факт пошива обуви из свиной кожи для Лили стал открытием.

Платье удалось: слегка расширенное к низу, приталенное, с рюшью по верхнему вырезу и по низу платья.

Все это стоило не малых расходов, на что мама самоотверженно пошла. Достаток в семье был очень скромный.

По стечению обстоятельств группу выпускников Лиленного класса засняли в местную газету, где она себе не понравилась. Самомнением Лили не страдала, скорее наоборот.

А тогда они в ряд, взявшись за руки, шли в будущее (так можно понять фото).

Кстати, одна девочка из класса все же отошла от общепринятого и пришла в светло-сиреновом кружевном платье. Элементы оригинальности она проявляла и раньше в различных ситуациях.

Сам вечер был неплохо подготовлен, но намного скромнее современных выдумок и изысков.

В том числе и танцевальная часть. Пожалуй излишне судить сегодняшнюю молодежь за их, порой вульгарное, раскрепощение в танцах, но тогда уместно пожалеть молодежь шестидесятых за скованность и малый набор движений.

После вручения аттестатов, момента торжественного и волнительного, молодежь просто стеснялась. Понятно, что и надзор учителей и родителей был усиленный.

Конечно у кого—нибудь в квартире на Дне рождения смело танцевали «шейк» под песни М. Магомаева. Но это все, что умели.

Организованных обучений балльным танцам или танцам народов мира не существовало. В провинции точно, но зато спортивных школ и секций было достаточно. Бесплатных. Существовало обеспечение, например, простыми спортивными костюмами, коньками, роликами и так далее по профилю занятий – за государственный счет (на период времени посещения тренировок).

Но тогда все воспринималось как должное и на выпускном вечере об этом не думали.

Столы с угощениями конечно были. Трудрами родительского комитета собраны средства в каждом классе и сделана вся хозяйственная, канительная работа.

Шампанское стояло только на столах учителей, у остальных – газировка. Трудно поверить? Так было. Родители присутствовали за официантов. Их было не много.

Но ведь вечер не закачивался в стенах школы. По традиции предстояла целая ночь. На прогулку с классом пошла, теперь уже бывшая, классная руководительница.

Времена по хулиганским случаям стояли самые тихие, да и что было страшно с такой большой компанией? По пути все зашли в ближайший городской сад и тут настало время продемонстрировать себе и всем, что люди они теперь взрослые.

Разумеется есть способы более достойные для этой демонстрации, но самый простой, подсмотренный у родителей – отмечать событие выпивкой вина. Откуда появился популярный советский портвейн (пара бутылок) и кто предусмотрел стаканчики – никто не узнал.

Великодушная учительница, возможно что-то подобное ожидала от взрослых мальчиков (а кто же еще?). Ведь каждый из них спешил почувствовать себя мужчиной, хоть в этом. Потому что настоящими мужчинами, в физическом смысле, в те годы ребята становились, в подавляющем большинстве, после школы, а порой и после службы в Армии. У кого как складывалось. Редкие решительные – женились сразу после окончания школы.

Можно посмеяться над этими элементами пуританства., а можно и позавидовать: известные страшные болезни были редчайшим случаем, а больных детей – намного меньше.

Вино понемногу выпили все, но учительница отказалась (спасибо, что не ушла). Она предупредила, улыбаясь и зная – запрещать бесполезно, что ее уволят с работы, если узнают про этот эпизод.

Да что там говорить! Все улыбались и знали – это их общая тайна.

Путешествие продолжилось по пустынным ночным улицам. Шли посередине проезжей части дороги, так как действительно было пусто: личный транспорт являлся большой редкостью, а городской в эти часы не работал. Пешком прошли очень много. Сходили к высокому берегу реки. Лилин класс был не единственный, бродящий в эту ночь. Все прошло хорошо, если не считать бессонницу ожидающих родителей: ведь дети первый раз не ночевали дома.

Трое смелых, не считая их родителей

Но настало время уточнять адреса нужных институтов, об университетах даже разговоров не было. Это считалось чем-то очень редким и изысканным.

Поскольку Лиля давно определилась со своим выбором, то письма были разосланы в Москву, Иваново и Ташкент. О существовании текстильного ВУЗа в Ленинграде она не знала и не заметила в справочнике.

И это удивительно, ведь значительная жизнь Лили будет связана с этим городом. Но это не скоро.

Письма из приемных комиссий трех городов пришли с перечислением необходимых документов, с перечнем предметов по которым надо сдать экзамены, месяц и число начала экзаменов. Условия проживания указали не все.

Между прочим, это были основные школьные предметы, по которым только что страсти кончились. А теперь, через месяц, все предстояло сдавать снова.

Но куда поехать?

Мало того, что родителям было боязно отпускать несовершеннолетнюю дочь далеко, еще и средства требовались, которых было ох как мало у пенсионеров. Да, Лиля была поздним ребенком в семье, но не единственным. И пенсионером—то был один отец, а мать, работая в войну на заводе, получила отравление какими-то кислотными парами, заболела и вскоре после вынуждена была остаться домохозяйкой.

Никакой пенсии за потерянное здоровье или по возрасту тогда не платили.

Была надбавка к пенсии отца на жену иждивенку.

Это была сумма в двенадцать рублей.

События развивались дальше и очень выгодным образом. В классе, среди девушек, появились еще интересующиеся текстильным делом. Интерес этот родился не сразу, но окончательное решение было принято в конце июня.

Итак – трое смелых и не опытных семнадцатилетних, порядочных, добросовестных и по сути беззащитных. И выбрали – то самое катастрофическое место – Ташкент. Почему Ташкент? А потому, что юнные головы уже начали оценивать ситуацию и решили, что в центральных городах, после двойного выпуска школ, конкурс на поступление для провинциальных девочек будет не пробиваемый. Но, как уже ранее описано, непробиваемость оказалась другого рода.

Почему место катастрофическое? Да ведь это же был 1966 год! Совсем недавно в Ташкенте произошло страшнейшее землетрясение с эпицентром в районе Аллаевского базара (рынка), а это почти центр.

Уже несколько недель через железнодорожную станцию Лилиного города шли эшелоны строительных материалов со всех республик страны в сторону Средней Азии. Ребята – старшекласники из Лилиной школы не раз рассказывали, как они себя развлекали встречей этих грузовых эшелонов. И что-то пытались доброжелательно скандировать на тему дружбы народов. Да, забавы юношей еще чаще всего были здоровыми. Составы шли поздно вечером.

Впоследствии Лиля стала свидетелем того, насколько оперативно и красиво был восстановлен город Ташкент. Привезли сюда не только материалы, но и массу специалистов – строителей, которые жили в палатках, как и часть пострадавших.

Особенно преобразился центр города, появились новые районы. Жилые дома конечно строили однотипные, но на торце стены каждого дома выкладывали цветные национальные орнаменты каждой республики Советского Союза, построившей дом.

Однако, глядя на события на расстоянии многих лет, хочется поступок родителей как-то оценить.

То ли это наивная общепринятая вера в твердый и справедливый миропорядок внутри своего государства, то ли это великая вера в своих детей и самих себя. Ведь у большинства родителей во все времена жива уверенность в том, что своим воспитанием они подготовили к жизни целеустремленных и умных людей.

Иначе как могло произойти, что три девушки: Лиля, Лариса и Вика едут в плацкартном вагоне в самые жаркие дни лета 1966 года в город Ташкент.

О папы и мамы! Что вы чувствовали провожая дочек в неизвестность?

Единственной «страховкой» был адрес родственника Ларисы, тамошнего жителя, что очень помогло. Жить в период экзаменов пришлось именно в этой семье, так как все общежития учебных заведений или большая их часть были заполнены семьями ташкентцев, дома которых были разрушены.

В то время население Ташкента было очень разнообразно по национальностям, большой процент был русских жителей.

Взаимоотношения поддерживались очень здоровые и, если были предрассудки, то достаточно далеко спрятанные.

Хотя, конечно, в бытовом плане молодежь, например, в дальнейшем расселении студентов по комнатам в общежитии, группировалась больше по национальным интересам и все со стороны наблюдали обычаи друг друга, включая изучение особенностей приготовления еды на общей кухне в конце очень длинного коридора с поворотом в другое крыло здания.

Познания и признания

А все-таки не зря родители в своих детей верили. Как же все добросовестно суетились с документами, ходили на консультации, потели на экзаменах. Никаких развлечений и в мыслях не было, да и общепризнанный стиль поведения в те шестидесятые требовал строгости.

Кстати, известен факт, что преступность в эти годы была самой низкой в стране за все предыдущие годы.

Результат всех стараний получился не лучший. Причины, конечно, всегда можно найти: и те, что ранее перечислялись, и то, что контролирующий преподаватель на письменной математике ходила по рядам и некоторым откровенно вслух помогала. Видя это, другие тоже потихоньку выпрашивали подсказку. Сосредоточиться было трудно, добавилась собственная неуверенность и раздражение.

Сдала все экзамены в тот год только Лариса и она была того достойна. Еще в школе было многим понятно, что эта девушка являлась редким образцом внешней красоты, ума и добросердечности. Поэтому места зависти не было никакого и Лиля с Викой, поздравив подругу, посмотрев на яркие краски уже восстанавливающегося города, уехали домой.

Им предстояло познать жизнь и людей с другой стороны – в производственных коллективах. Жизнь этих двух девушек разошлась совершенно в разные стороны. Увидеться им довелось случайно уже в тридцатилетнем возрасте, когда за плечами была успешная учеба, работа по назначению (направлению из института), замужество и дети.

Какое хорошее дело было – это назначение, для сегодняшних выпускников просто мечта. А ведь кое-кто тогда возмущался и рвался в свободный «полет» по устройству на работу. Сейчас без слез не вспомнить ту благодать, когда каждый молодой специалист получал по прибытию на предприятие обязательное право на инженерную должность и особую очередь на получение отдельного жилья и обычно получал его в пределах трех лет и ранее.

За правильным устройством подготовленных кадров следили и руководители производств держали за это ответ. Выпуски специалистов планировали по отраслям, учебные заведения действительно учили, а студенты пыхтели сами над чертежами и курсовыми заданиями, делая расчеты до четвертого знака после запятой на арифмометрах (по очереди) или логарифмических линейках уже как позволяла шкала.

После серьезных раздумий Вику повлекла педагогика, ну а Лиля осталась верна своей цели и отправилась ученицей на текстильную фабрику своего города, дав себе задание постоянно повторять материал вступительных предметов в текстильный ВУЗ.

Это желание держать форму и ряд других решений и поступков порой заводило Лилю на ложные тропы, но были и правильные направления, хотя, как знать, может это была линия судьбы, от которой по словам песни: «Никуда не убежишь, никуда не скроешься». Но эти общие рассуждения о причинах и разнообразии жизненных ситуаций пришли гораздо позже. Дело в том, что все рассуждения всегда были про себя, все решения принимались лично, ни с кем не совещаясь. Этому есть причины.

Лиля была младшим ребенком в семье и росла фактически одна: старшие дети уже жили отдельно, а в детский садик ее не определяли. Возможно это было потому, что в те 50-е годы мать была домохозяйкой, а садиков хватало только для детей работающих женщин. Были конечно общения с соседскими детьми на улице и во дворах частных домов. Но в основном маленькая Лиля любила свой уголок в доме за печкой, где она шепотом устраивала личную жизнь кукол среди детской мебели и самостоятельно мастера им наряды. Там любил заставить ее после работы улыбающийся отец. Господи, как же это было давно!

Мама постоянно занималась хозяйством в доме и маленьким огородиком во дворе. Говорить и размышлять особо было не с кем. Девочка росла и все, что зрело в голове так там

и оставалось, формируя собственный мир, решения и поступки. Эта привычка осталась на всю жизнь, что порой мешало. Было интересно наблюдать людей, которые перед принятием решений с кем только не обсудят предстоящее действие, а Лиля так не могла. Сегодня бы сказали:

«А что вы хотите от человека, рожденного в год „Быка“, а по зодиаку „Рыба“?»

Вот это желание «держать форму» и завело Лилю по собственному решению в местный вечерний текстильный техникум, ошибочно думая, что там-то лучше всего с этим справиться.

Но это была просто наивность.

Начались профильные предметы, людей готовили по технологии и техническим знаниям соответствующего производства. Все это было далеко от школьной программы вступительных экзаменов в ВУЗ.

Однако зиму Лиля ходила на занятия, до рабочей смены или после.

Все домашние решили, что пусть хоть техникум окончит, хотя она сама так ни минуты не думала.

Работу на станках Лиля конечно тоже освоила, сдала технический и технологический минимум знаний молодого работника. Лиля получила невысокий разряд ткачихи в уже заведенную трудовую книжку, имела всю зиму небольшую заработную плату.

С наступлением весны начала разворачиваться новая полоса жизни, но не в родном городе. Сейчас, из далека, эта полоса кажется серой и даже опасной.

Она закончилась в жаркий день взмахом листка представителя приемной комиссии.

Лиля продолжала осознавать благополучный исход своей судьбы, сидя на кровати в рабочем общежитии среди собранных к переезду в студенческие пенаты вещей и связок книг.

А было не легко...

Ткачество и чудачество

Эта новая полоса жизни в течении тринадцати месяцев – осень-весна 1967—68г.г. была прожита совершенно самостоятельно. Приехав опять в г. Ташкент и потерпев неудачу во второй раз, Лиля и мысли не допустила, что это – все («Бык» же!).

Текстильному комбинату требовались рабочие и его представители легко их находили в фойе учебного корпуса и на той самой площадке перед входом, где потом все же победа у Лили состоялась.

Не стоит анализировать вторую неудачу: причины те же с разными вариациями. Появилось чувство досады, домой просто стыдно было ехать.

Позже Лиля болезненно вспоминала свою неудачу, но и не могла не оценить принимаемых тогда решений и действий.

В самом деле смелость и молодость города берут.

Так она оказалась в рабочем общежитии, устроившись ученицей по той простой профессии зарядальщицы. Ранее приобретенные навыки и разряд ткача в родном городе на этой фабрике негодились из-за другой специфики. Дело в том, что технология производства натуральных шелковых тканей и процесс ткачества хлопковых тканей заметно отличаются.

А Ташкент и просторы республики – это прежде всего хлопок, рекордные сборы которого в Узбекистане, потрясали в те годы всю страну. Как давались эти сборы знали тогда все студенты республики всех учебных заведений и даже школьники, так как первые полтора-два месяца каждого учебного года все были в дальних и ближних сельскохозяйственных полях на сборе и подборе.

Да, именно на подборе хлопковых остатков, которые валялись на земле после комбайнов. Их было довольно много.

Опытные местные ребята могли собрать в день порядка 10—15 кг. и больше. Приезжие из других областей страны с непривычки просто мучились большими спинами под весом фартуков и собирали чуть больше половины установленного задания. За этот сбор немного платили.

Но пока Лиля еще на пути к этому периоду жизни. Все это, как и мучительное проживание целыми курсами студентов в случайных помещениях среди бескрайних хлопковых полей, еще впереди.

А сейчас предстояло сдать воспитателю рабочего общежития казенное имущество, по существу постельные принадлежности, оформить обходной лист по некоторым точкам на фабрике и идти на трамвайчик со своим имуществом.

В две руки все уместилось.

Год назад с таким же грузом на две руки Лиля сюда приехала в числе неудачников, как бы подобранных представителями текстильного комбината. И ведь приехала оттуда, куда сейчас собралась, потому что на свой второй год приезда после землетрясения студенческие общежития уже принимали абитуриентов. То есть пострадавшие от стихии семьи в большинстве своем получили жилье и оно наверняка было лучше, чем потерянное. Это поражало и выглядело рекордом.

Приезжающую молодежь тогда расселяли по четыре или шесть человек в комнату. Все были очень разные.

У Лили Клавдиной это второе поступление было важной целью. Другие, те кто по первому году после школы, радовались свободе, красоте большого города, спешили тратить деньги, полученные от родителей, и особо не огорчились, не пройдя первый же экзамен. Были и такие, которые рассчитывали на влиятельных отцов в своих краях и областях. В среде ровесников они отличались бойкостью и желанием всеми руководить. Но подобные влияния отцов

не всегда были удачными. По мере того, как после первого же экзамена по письменной математике численность в комнате резко уменьшилась, уехала и девушка Света, что ожидала легкой победы с папой. Суждено ей было поступить на следующий год, второй для нее и удачный третий у Лили, и начать учиться на механическом факультете, что было необычно: в основном это была мужская группа.

Эта Света и Лилия оказались удивительным образом очень похожи лицами, их путали. Пользуясь знакомством еще с прошлого года, они поддерживали добрые отношения. Ее папа продолжал активно участвовать в жизни дочери все пять лет учебы, организовав замужество своей дочке за человека заметно более старшего и явно по расчету. Подобную покорность никто от Светы не ожидал, ведь она за годы учебы развилась в законченную бузотерку на почве праздничных возлияний и чудачеств, хотя именно такое решение судьбы Светы было наверное лучшим.

А сходство с Лилей было только внешнее.

Дороги и пороги

Трамвай стучал по рельсам улицы им. Мукими, пока еще плохо обсаженной зеленью, двигаясь со стороны еще более молодого микрорайона города Чиланзар.

Отодвигалось вдаль все пережитое за прошедший трудовой год в этом городе и второй трудовой в жизни Лили.

Контингент живущих в уже покинутом рабочем общежитии был удивительно «разношерстный». Были очень приличные девушки, например, из Сибири. Они приехали по организованному набору в Ташкентское ПТУ из любопытства, желания начать самостоятельную жизнь, романтической мечты и т. д. Звали их Лида и Эмма.

А надо сказать, что в те годы, для работы на фабриках, в республики Средней Азии собирали работниц из Украины, Белоруссии, России и других мест, так как местным женщинам работать полноценно на производстве было некогда: они находились постоянно в декрете, да еще каждый четверг – базарный день.

То, с чем столкнулись сибирские путешественницы еще в стенах училища, приобретая профессию прядильщиц – их потрясло.

В составе группы они обнаружили откровенно распутных девиц, воровство и прочую аморалку. Все это частично (все же был отсев) переносилось и в стены рабочего общежития. И того, что переносилось хватало на не спокойную жизнь в комнатах, топот в коридорах по ночам и стуки в двери. Пропускной режим похож был условный, хотя вахтер имелся, и заметно нетрезвые особи мужского рода бродили по этажам в поисках своих подруг.

Периодически кто-то воровал по комнатам.

Сами двери в комнаты были хлипкие, а замки раздолбаны до безобразия. Уходя на смену, ни в чем нельзя было быть уверенной.

Так однажды Лиля стала жертвой кражи. Украли хорошие теплые вещи из только что полученной посылки из дома и новые туфли, недавно купленные, уже здесь, на заработанные деньги.

Было очень горько от чувства незащитности, а призывать на помощь кого-то считалось делом бесполезным.

Но поначалу Лиле повезло: она была поселена третьей в комнату этих сибирячек, которые, поработав немного, все же уехали домой, оставшись в памяти и на фото надежными людьми, с нормальным понятием о нравственности и потребностью цели в жизни.

Именно того, что помогало подобным людям сохранить себя в условиях жизни этого котла различных страстей и драматических судеб.

После их отъезда и, видя серьезность оставшейся девушки, воспитательница общежития переселила Лилю на другой этаж в очень маленькую комнатку (сейчас по площади почти такие кухни в «хрущебах»), но зато двухместную.

Воспитательница – довольно колоритная дама, по должности очень общительная, конечно с первого взгляда видела человека. Перед ее глазами прошло множество судеб, но не так много счастливых, зато легкомысленных, не устроенных – полно.

Лиле показалось, когда она сегодня, в день переезда прощалась и выходила за порог общежития – эта дама так до конца и не поверила, что девушка поступила и уходит учиться на дневное отделение.

Второй в комнате была хорошая девушка Люба, которая тоже была целеустремленная и подготовила себе прямую дорогу к замужеству. Подготовка была продуманная, цель здоровая, серьезная.

Кому что.

Ко времени переселения Лили на остаток времени до лета 1968 года в эту комнату, Люба уже имела друга, слава богу примерного парня, немного младше ее.

Наверное в этот период она была беременна, потому что к весне совсем все стало ясно с ее фигурой, как и с их взаимоотношениями. Парень жил и работал в другом месте города.

Приезжали его родители, полные предубеждений, что сын выбрал девочку из общежития, но в данном случае им повезло.

Так что комната освобождалась: вслед за Лилей уезжали и молодые.

Ну вот и поворот трамвая на оживленный проспект, по которому практически расположено почти все текстильное в этом городе. Транспорт делает поворот сразу после остановки «Текстильный комбинат», хотя к нему еще надо хорошо пройти через дорогу вправо за угол и прямо. А если так же пройти в левом направлении, то по пути будет (или было) здание с не особо заметной вывеской завода по производству крутильных машин.

Интересно: почти все текстильное оборудование производилось в российских городах и национальных республиках. Например, новейшие ткацкие станки – в Сибири, Чувашии, przygotowательные машины – в Москве, Вязниках, Клину, Ташкенте и других городах.

По этой отрасли существовали машиностроительные конструкторские организации и проектные строительные.

И сырье-то в основном было свое, как натуральное – лен, хлопок, шерсть, натуральный шелк, так и искусственные – вискоза, ацетат, триацетат. Синтетического тоже было достаточно – капрон, лавсан, нитрон и прочее.

Ткани ткали и отделявали в три смены и не хватало. Все текстильные предприятия были важны и нужны.

Шагая по этому проспекту, вскоре можно дойти до следующей остановки – «Соц. город». Вот было такое название в социалистическом Узбекистане. Наверяд ли оно существует до сих пор. Однако именно здесь, через дорогу, немного в глубине, между прочих больших домов, находилась витая металлическая изгородь с воротцами.

Это и есть вход на территорию текстильного института. Дорога ведет прямо к порогу здания библиотеки и от него расходится в разные стороны в глубь двора к различным учебным корпусам.

Удивительная женщина работала в этой библиотеке, в основном технической и общественно-политической литературы. Она была очень строгая и обязательная. А как иначе со студентами? Звали ее Инция, сокращенная – индустриализация.

Студентам особо не было нужды как-либо ее называть, да и не все знали как надо. Обращались вежливо, но обезличенно.

Вот такая фантазия имен была у родителей предвоенного времени тридцатых годов. И эта фантазия, похоже опять повторяется с другими оригинальностями сейчас.

Следующая остановка по проспекту им Ш.Руставели – «Дворец текстильщиков».

В этом месте по обе стороны расположились самые важные для студенческого досуга и быта интересные здания.

Особо хочется зафиксировать, что все это имело свое истинное назначение в шестидесятые годы двадцатого века и наверняка до 1991 года, а что дальше – трудно сказать.

А именно: прекрасный Дворец текстильщиков. Здание достаточно интересное по архитектуре и, как обычно в то время, использовалось исключительно для эстетического развития людей: различные кружки и студии для детей и взрослых, кинозал, помещение для творческих выставок – работ по итогам занятий в кружках и прочее. Это на государственном уровне считалось важным и целесообразным.

Все празднования важных дат текстильщики комбината проводили там.

Ну а студенты – текстильщики жили напротив, через дорогу. Это был почти студенческий городок: большой четырехугольный двор, который образовался внутри построенных друг против друга четырех зданий общежитий различных факультетов.

Именно сюда Лиля Клавдина держала путь – к порогу корпуса проживания студентов – технологов, где для нее подготовила место в своей комнате с третьекурсницами Лариса. Да, та самая одноклассница, одна из тех трех девушек, что покидали свой родной город два года назад.

Лариса уже перешла на третий курс и была очень рада успеху Лили, познакомила со своими подругами, вполне доброжелательными, но заметно разными по своим жизненным установкам.

Дальнейшее общение было интересным, с разными нюансами взаимоотношений и текущих событий.

Главное – началась студенческая жизнь. Но это уже другая длинная история.

Л.И.М

Г. Оренбург

2015г.

Л. И. Михина.

Студенты и поклонники

«Зрелости достигаешь так медленно, постепенно. Пока ее достигнешь, приходится одолеть столько преград, излечиться от столько недугов, столько превозмочь горя, столько победить отчаяния, столько опасностей избежать – а львицу долю их ты даже не заметил».

А. М. Р. де Сент-Экзюпери

Выпускникам институтов 1973 года г. Ташкента посвящается...

Скромники и поборники

«Ведите счет своим удачам, а не своим неприятностям»

Д. Карнеги

Ну вот и этот знакомый двор, по улице Ш. Руставели г. Ташкента. Пока что он с тремя зданиями студенческих общежитий. Четвертое появится уже на глазах Лили в годы учебы, по проекту новых массовых застроек: с тесными лестницами и низкими потолками. Все корпуса для разных факультетов. Но технологический Лили Клавдиной, на который она поступила спустя два года после школы, располагался в здании гораздо ранней постройки сталинского периода: основательно и просторно, хотя конечно была корридорная система дверей в комнаты.

Все было хорошо и подумалось, что пора и в самом деле начинать счет своим удачам. Не хотелось заглядывать в будущее. Предчувствие новых бед и побед уже зрело.

Лилию ждали, место было подготовлено благородной Ларисой, которая уже два года отучилась и жила в угловой большой комнате на втором этаже со своими однокурсницами. Она даже направление на заселение Лили взяла в деканате и поборолась с комендантом общежития за решение, чтобы именно эту первокурсницу поселили в комнате с девушками третьего курса. А девушек было не мало, обстановка чувствовалась доброжелательная; их согласие наверно тоже понадобилось. Всех вместе оказалось шесть человек. Это воспринималось нормально для того времени и для того возраста. Года через три учёбы можно было побороться за комнаты поменьше, на двух-трех человек, и заселение осуществлялось по принципу личной дружбы, землячества и уровня лет учебы.

Но Лариса Лилию «потеряла» в первые дни учебы и не знала где и что выяснять. Ведь Лилия накануне попала в больницу с отравлением желудка и сама была в отчаянии больше недели.

И вот наконец встреча, новые знакомства, расспросы и первые инструкции об особенностях жизни здесь, учёбе и преподавателях. Даны удачно своевременные советы.

Девушки были заметно разные. Самая приветливая, энергичная и жизнерадостная оптимистка – Лера. Это высокая, стройная, очень спортивная девушка, с любовью к спортивной гимнастике и альпинизму. Затруднительные случаи она решала просто: «Только вперед!». Удивительно, но она приехала из того же края, что и Лариса с Лилей. Лера с Ларисой стали потом душой маленького коллектива. Другая – Люба. Она единственная из комнаты кто поступил учиться по направлению от предприятия, из города с юга Кубани и стипендия ей выплачивалась бльшая. Люба в прямом смысле была другая: замкнутая, мнительная, малообщительная. Думается, что только в таком окружении, где Лилия ее увидела, эта девушка и могла себя найти, научиться общению, почувствовать уверенность в себе. Она любила читать, проявляла потрясающую упорность в периоды сессий. o

Очень колоритной и яркой показалось Лиле следующая соседка по комнате. Имя ее Диана. Некоторое самомнение, вкус в одежде и манера общения с людьми, особенно в присутствии мужчин, размышления о жизни и способах ее устройства, – делали имя Диана соответствующим ей. Она приехала из городка ташкентской области. Любила и находила возможность красиво отдохнуть с заходом в ресторан с обязательным, модным в те годы, блюдом «цыплёнок-табака». Была умна и находчива.

И наконец очень скромная, добрая – Зулейха, неожиданно современная девушка для небольшого городка северо-запада Узбекистана. Вся ее привязанность была к своим землячкам в другой комнате, с кем она часто проводила время. К учёбе относилась добросовестно. Зулейха порой была задумчива и грустна, как-будто предчувствуя что-то в своей судьбе.

Все эти характеристики Лиля пронаблюдала по мере увеличения срока совместной жизни, в ситуации, когда говорят: «Ели из одного котелка». Осталось упомянуть о внешней привлекательности. Определённо красивой можно назвать Ларису, личные качества которой и тогда и далее по жизни, были так же хороши. Всё в меру и достойно, особенно верное чувство дружбы. Остальные, включая Лилю, были девушками, как принято говорить, симпатичными. Свежесть и задор молодых лиц был приятным. Национальные черты Дианы и Зулейхи вносили разнообразие в общий фон светлых глаз, причёсок и были милы по своему.

Прибывшую Лилю засыпали вопросами: «Где она до них работала?», «Где жила?», «Что это за работа зарядальщица?», «Почему она три раза поступала именно в текстильный институт?» и что-то еще. Фразу, которую в итоге сказала Диана, Лиля запомнила на всю жизнь: «Свое взяла». Своей интонацией она дала оценку человеку: «Знает цель, упорная».

И это было правдой. Вся дальнейшая жизнь прошла в преодолении и самоутверждении, что вывело Лилю на заметный должностной рост, причём во времена, когда себя предлагать в начальники было делом нескромным и откровенный карьеризм осуждался. Работай хорошо и жди, когда тебя заметят – это было правилом. Но, конечно, каждый «солдат» мечтал стать «генералом».

А здесь, в комнате общежития стояли простенькие кровати, казенные постельные принадлежности. Одеяло условно называлось им – предельно тонкое и старое. Именно одеяло Лиля осмелилась попросить у родителей, хотя раньше ничем их не тревожила. И они прислали ей посылку с верблюжьим новым одеялом, купленным на вещевом рынке (толчке). В магазинах далеко не всё можно было купить.

В последствии Лилия прониклась уважением к ремеслу изготовления теплых одеял местными жителями, в основном сельскими.

Хлопок был доступен и женщины вручную очищали его от семян, сидя дома. Работа эта выглядела как любое другое рукоделье мастериц большой страны. Хлопок с куста из хлопковых коробочек удивительно блестящ и мягок, волокна длинные. Кстати, именно по показателю длины волокон оценивается качество хлопка. Текстильщики – это изучают на предмете «материаловедение». Лиля скоро это узнала.

Такого очищенного хлопка надо приготовить много, а затем его раскладывают с определённой толщиной слоя на заранее выбранном красивом полотне ткани, накрывают тем же и простегивают. Горки ярких одеял должны быть в каждом уважающем себя доме. Лиля видела это в тех домах, куда по случаю приглашалась в гости. Это были не ватные одеяла, как кажется непосвященному, а чисто хлопковые: легкие и тёплые. А вата – это отходы переработки хлопка.

Общежитие было большое, пятиэтажное, построенное буквой «П».

Жили в нём молодые люди разных возрастов и национальностей. Но не только. Оставались еще одинокие жильцы после событий в год землетрясения.

На первом этаже долго жила в одной комнате баба Шура – уборщица. Женщина пожилая, строптивая, но добрая ворчунья. К концу срока обучения Лили она наконец получила квартиру и уехала. Все годы жизни около студентов она методично собирала пищевые отходы для свиней

сестры, которая жила наверное недалеко, так как приходила с мужем и с ручной тележкой за пропитанием для хрюшек.

Эта предприимчивость стала Лиле первым примером использования ситуации с выгодой для себя.

Но а те люди разных возрастов и национальностей жили вперемешку по комнатам и этажам. Строго соблюдался только один принцип – гендерный, как сейчас говорят. Причём настолько строго, что рядом расположенные комнаты, например, ребят таджиков и русских девушек в течение жаркого дня отделялись от общего коридора легкими занавесками. При духоте ночи порой всё так и оставляли для легкого сквозняка. Уровень нравственности и деликатности отношений в этой среде была высокой. И этого не отнять у шестидесятых годов двадцатого века, хотя, наверное, можно перечислить недостатки другого порядка. Порой улавливались нескромные взгляды вслед девушкам и цокание языком, как бы от восхищения. Это было недостатком? С позиции сегодняшних дней, удивительной массовой распушенности – это не больше, как шутка. Но девушки конечно сердились на такие звуки и строго оглядывались. Чаще такие эпизоды повторялись на улице. Ещё были не частые празднества с шумными национальными инструментами и гортанными криками.

Праздники отмечались советские и некоторые восточные, например, «Навруз». Ну и иногда личные. Все это перемещалось, как правило, на территорию двора, где получалось громкое эхо.

И не имело значения в каком состоянии двери комнат и какие в них замки – случаев воровства известно не было, если не считать заимствование чайников с кухни.

В дальнейшем, с приближением сдачи курсовых и чертежей к ним, порой свет в комнатах горел до поздней ночи и здесь уже общежитие гудело как улей. За занавеской громко спрашивали можно ли войти и шёл обычный обмен и заимствование чертежных приборов, справочников, взаимные консультации, смех и короткое совместное чаепитие зелёного чая. В комплексе всё это называлось дорогой к диплому, борьбой за знания.

В выходные дни случались приглашения в комнату ребят, когда кто-то из них получал посылку или передачу из дома. Грецкие орехи, курага, чудесные самаркандские лепешки, тот же чай и прочие вкусности составляли праздник общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.